

UNITED WISDOM

Кем я себя называю: имя, история и право на изменение

Человек и внутренний мир

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

I-01-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Кем я себя называю: имя, история и право на изменение

> *«Что в имени? То, что зовём мы розой, под любым другим именем пахло бы так же сладко».*
>
> *Уильям Шекспир, «Ромео и Джульетта», акт II, сцена 2, реплика Джульетты. Перевод наш с английского текста по изданию Project Gutenberg #100.*

О чём эта статья

Условный пример: женщина после развода возвращает прежнюю фамилию, а коллеги ещё год подписывают ей письма старой. Сама она уже называет себя иначе, другие — пока нет. Чьё это имя теперь: её или тех, кто к ней обращается?

Статья различает три слова, которые обычно слиты: имя, которое человеку дали; слово, которым его называют другие; слово, которым он называет себя сам. Мы проходим вопрос через Конфуция и Эпиктета (имя как обязательство), библейские переименования и историю Ноемини (имя, данное свыше, и имя, взятое самой), возражение Джульетты и Гермогена (имя — условность), даосское недоверие к имени, а также через работы о формах называния, смене фамилии и записи имени в архивах. Обещание статьи — карта того, из чего складывается право назвать себя иначе и где оно встречается с чужой речью. Что смена имени даёт самому человеку, прочитанные нами открытые работы не измеряли; поэтому шаги в конце — довод авторов, а не проверенная методика.

I. Три слова о себе

Самоназвание — не то же самое, что имя, полученное при рождении, и не то же самое, что слово, которым человека называют другие. Это третье слово, и у него свой статус.

Имя, которое дали, выбирают родители, община, иногда закон; человек получает его раньше, чем может согласиться или возразить. Слово, которым называют другие, шире имени: это и прозвище, и должность, и «тот, кто...» из чужого разговора, и запись в документах. Самоназвание — то, как я представляюсь, как подписываюсь, кем называю себя вслух: новым именем, прежней фамилией, словом принадлежности или роли. Пока три слова совпадают, их различие незаметно. Оно становится видно, когда они расходятся, как в примере из начала статьи: фамилия в паспорте уже одна, в рабочей почте — ещё другая.

Это различение делит вопрос «могу ли я назвать себя иначе» на два. Могу ли я изменить своё слово о себе? Да, это в моей власти: думать и говорить о себе по-новому я могу без чужого разрешения. Могу ли я сделать так, чтобы новое слово употребляли другие? Здесь моей власти уже недостаточно: чужая речь, привычки и записи мне не принадлежат. По нашему прочтению, право на изменение, о котором говорит заголовок, складывается из двух частей: свободы в первом и обоснованного притязания во втором — просить, объяснять, настаивать, рассчитывая на ответ.

Традиции, к которым мы обратимся, смотрят на разные слова из этих трёх. «Лунь юй» и Эпиктет связывают имя с тем, что должно быть сделано; по нашему прочтению, имя обязывает. Книга Бытия — об имени, которое даёт высшая власть. Книга Руфь — о случае, когда человек сам просит звать его иначе. У Шекспира и Платона сильнейшее возражение звучит в репликах Джульетты и Гермогена: имя — лишь условность. О смене жизненного пути в серии есть отдельная статья «Право менять путь»; здесь речь только о слове, которым человек себя называет, и о том, признают ли его другие.

II. Имя обязывает: Конфуций и Эпиктет

Два древних текста, «Лунь юй» и «Беседы» Эпиктета, по нашему прочтению, видят в имени не ярлык, а обещание: назвать — значит взять на себя то, чего от этого имени ждут.

В «Лунь юй» (кн. XIII, гл. 3) ученик Цзы-лу спрашивает Конфуция, с чего тот начнёт, если правитель царства Вэй доверит ему управление. Ответ звучит неожиданно: «Необходимо исправить имена» (перевод наш с английского перевода Джеймса Легга, «Лунь юй», XIII.3). Цзы-лу считает это чудачеством, и учитель объясняет: если имена неправильны, речь не согласуется с действительным положением дел; тогда дела не удаются, обряды и музыка не процветают, наказания теряют меру, и народ не знает, как ступить. Поэтому благородный муж заботится, чтобы имена, которые он употребляет, можно было уместно произнести, а сказанное — уместно исполнить. Речь здесь о государстве и порядке слов в обществе, а не о личном самоназвании. Но, по нашему прочтению, механизм близок: слово должно соответствовать делу, а сказанное — быть исполнимым.

Эпиктет переносит этот механизм внутрь отдельной жизни. Его беседа II.10 в английском переводе Джорджа Лонга названа «Как вывести обязанности жизни из имён» и начинается словами: «Подумай, кто ты. Прежде всего, ты — человек» (перевод наш, «Беседы», II.10). Дальше — гражданин мира, сын, брат, сенатор, юноша, старик: каждое такое имя, если его рассмотреть, очерчивает свои обязанности. Тому, кто бранит брата, Эпиктет говорит, что тот забыл, кто он и каково его имя.

По нашему прочтению, обе традиции делают самоназвание весомее. Назвать себя — значит пообещать; сменить имя — значит в чём-то пересмотреть обещание. Граница сравнения ясна: Конфуций говорит об управлении и общем порядке слов, Эпиктет — о поведении человека в его ролях: человека, гражданина, сына, брата. О смене личного имени не говорит ни тот, ни другой. Но вопрос, который они помогают задать, применим и к ней: какие ожидания я беру на себя новым словом о себе и от каких отказываюсь?

III. Имя, данное свыше: Авраам и Израиль

В книге Бытия новое имя дают в момент поворота, и оно сворачивает целую историю в одно слово.

Бог говорит Авраму: «не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам» (Быт. 17:5, Синодальный перевод) — и тут же связывает новое имя с обещанием сделать его отцом множества народов. Иаков после ночной борьбы слышит: «отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль» (Быт. 32:28), и объяснение называет то, что произошло: он боролся с Богом. В первом случае имя смотрит в будущее, во втором — в прошлое; в обоих оно не просто обозначает человека, а говорит, кто он теперь в истории завета.

Есть деталь, которую легко пропустить. Новое имя не вытесняет прежнее сразу. Уже в следующей главе рассказчик снова называет героя Иаковом (Быт. 33:1), а в 35:10 Бог ещё раз произносит переименование, как будто первого было недостаточно (оба места мы читали в английском переводе короля Якова, KJV). По нашему прочтению, даже имя, данное высшей властью, входит в речь не мгновенно: прежнее и новое долго живут рядом.

Отсюда первое уточнение к нашему вопросу. Переименование — не переключатель, а процесс, в котором участвуют и тот, кто называет, и те, кто повторяет имя. Если так обстоит дело с именем, данным свыше, то тем более с именем, которое человек выбирает себе сам: привычка окружающих и инерция рассказа — не обязательно отказ его признать.

Граница этого материала тоже важна. В Бытии переименование — религиозный акт внутри повествования о завете и благословении, а не модель личного выбора. Мы не переносим богословие в психологию: из того, что Бог даёт Аврааму и Израилю новые имена, не следует, что любое новое имя несёт обещание или благословение. Следует более скромное: в этой традиции имя мыслится как то, что может меняться вместе с историей человека, а не как раз навсегда данная этикетка.

IV. Ноеминь, которая просила звать её Марой

Книга Руфь даёт пример самоназвания: человек сам берёт новое имя из своей истории — и рассказчик это имя не подхватывает.

Ноеминь ушла из Вифлеема с мужем и двумя сыновьями, а в земле Моава потеряла всех троих (Руфь 1:3–5). Когда она возвращается, город приходит в движение и переспрашивает, она ли это. Ответ: «не называйте меня Ноеминью» (Руфь 1:20, Синодальный перевод) — а называйте Марой. Сноска Синодального перевода объясняет имена: Ноеминь — «приятная», Мара — «горькая». В следующем стихе Ноеминь сама говорит, почему старое имя больше не подходит: она ушла отсюда с достатком, а вернулась с пустыми руками.

Здесь есть всё, из чего складывается самоназвание. Есть прежнее имя, которое дали другие. Есть история, с которой оно разошлось. Есть новое слово, которое человек берёт из этой истории. И есть обращение: самоназвание сказано тем, кто будет его употреблять.

А дальше книга делает то, что, по нашему прочтению, важнее любого вывода. В следующем же стихе рассказчик сообщает, что возвратилась Ноеминь (1:22). Он и дальше зовёт героиню прежним именем, а в конце книги соседки, давая имя сыну Руфи, говорят, что у Ноемини родился сын (4:17; оба места — по KJV). Слова Ноемини записаны полностью, но её новое имя в рассказе не прижилось.

Как это понимать, текст не говорит. Можно прочитать так: Мара называла состояние горя, а не всю героиню, и ход истории вернул ей прежнее имя. Можно иначе: окружающие продолжали звать её так, как привыкли, и рассказ отразил их речь. В обоих прочтениях видно одно: самоназвание — это просьба, обращённая к другим, и у других есть свои причины держаться прежнего слова — привычка, привязанность, надежда. Право назвать себя иначе не гарантирует, что тебя так назовут.

V. Возражение: имя — только условность

Самое сильное возражение против сказанного звучит так: имя — договорённость, и от замены слова человек не меняется.

Его лучше всех сформулировала Джульетта в словах, вынесенных в эпиграф. Ромео, рассуждает она, сохранил бы всё, чем он дорог, и без этого прозвания; имя — не часть его. Ромео тут же соглашается: пусть она назовёт его просто любовью, и он больше никогда не будет Ромео («Ромео и Джульетта», II.2). Философскую форму того же возражения даёт Гермоген в диалоге Платона «Кратил». Он не может убедить себя, что у имён есть иная правильность, кроме соглашения и договорённости: «любое имя, которое

ты дашь, по-моему, правильно, а если сменишь его и дашь другое, новое будет так же правильно, как прежнее» (перевод наш с английского перевода Бенджамина Джоуэтта, «Кратил», 384d; номера Стефана — по обычной нумерации, в копии их нет). Это позиция собеседника; Сократ затем подвергает её разбору, ход которого мы здесь не излагаем, и приписывать её Платону нельзя.

В чём возражение право? Слово действительно не меняет вещь: Ромео под любым именем остаётся собой, и смена имени не отменяет прожитой истории. Ожидать, что новое имя само по себе изменит человека, оснований нет.

Но в возражении есть и то, чего оно не договаривает. Пример самого Гермогена: имена рабам часто меняют, и новое имя не хуже прежнего. По нашему прочтению, этот пример показывает изнанку «условности»: соглашение об имени предполагает, что кто-то вправе назвать другого. Сократ сразу спрашивает, всё ли равно, кто даёт имя — отдельный человек или город, и Гермоген отвечает, что всё равно. Если имя — договорённость, то вопрос о праве назвать себя оказывается вопросом о том, кто участвует в договоре.

И сама пьеса, по нашему прочтению, спорит с Джульеттой: фамилии Монтекки и Капулетти так и не отпускают героев. Возражение не снимает наш вопрос, а заостряет его: даже если слово не меняет человека, остаётся вопрос, как из-за этого слова с ним обращаются другие.

VI. Имя меньше названного: Лао-цзы и Чжуан-цзы

Два даосских текста, по нашему прочтению, дают другое возражение — не «имя ничего не значит», а «имя меньше того, что им названо».

Первая глава «Дао дэ цзин» говорит сначала о Дао, а затем об имени: «Имя, которое может быть названо, — не постоянное и неизменное имя» (перевод наш с английского перевода Джеймса Легга, гл. 1). Речь идёт о Дао и о начале неба и земли, а не о человеческих именах. Переносить эту строку на имя человека — наша аналогия, а не мысль Лао-цзы.

Ближе к нашей теме эпизод из первой главы «Чжуан-цзы». Император Яо хочет уступить престол отшельнику Сюй Ю, и тот отказывается: «Кроме того, слава — лишь тень действительного; стоит ли мне хлопотать о тени?» (перевод наш с английского перевода Герберта Гайлза, «Чжуан-цзы», гл. I). В английском переводе здесь стоит reputation — имя в смысле известности, доброй славы. Это слова отшельника внутри притчи, а не прямая речь автора книги.

Что добавляет эта линия? Любое самоназвание, старое или новое, остаётся тенью. Надежда, что найдётся наконец слово, которое выразит, кто я на самом деле, по этой

логике неисполнима. Но в этом есть и освобождение: можно сменить имя, не требуя от него того, чего не даёт ни одно имя. И можно не держаться за прежнее слово, как Сюй Ю не держится за славу.

Граница здесь двойная. Во-первых, ни Лао-цзы, ни Чжуан-цзы не говорят о личных именах и их признании; мы берём из них только мотив недоверия к имени. Во-вторых, это недоверие не отменяет заботы о правильных именах, о которой шла речь в связи с Конфуцием: перед нами два разных ответа, и сводить их к одному учению мы не будем.

VII. Когда называют другие: прозвище и форма обозначения

Чужое слово о человеке не нейтрально: религиозная норма запрещает порочить друг друга и давать прозвища, а в одном эксперименте форма обозначения меняла оценки третьих лиц — но не одинаково для двух групп.

В 49-й суре Корана, среди наставлений верующим о жизни общины — не высмеивать друг друга, избегать подозрений, не выслеживать, — есть прямой запрет: «Не порочьте друг друга и не называйте друг друга прозвищами» (перевод наш с английского перевода Дж. М. Родвелла, сура 49, аят 11). В этой норме называние другого — не нейтральный акт: прозвище может быть обидой, и члены общины отвечают за то, какими словами называют друг друга.

Насколько форма обозначения меняет отношение, проверили экспериментально Сэнди Шуман и Хазем Зохни (PLOS ONE, 2025). Это пререгистрированный онлайн-эксперимент с жителями Великобритании: 681 человек прошёл и предварительный опрос, и основное исследование. Участники оценивали одну группу людей, названную либо в форме «сначала признак» («violent criminals», «the physically disabled»), либо в форме «сначала человек» («people who have committed a violent crime», «people with a physical disability»); контрольная группа оценивала «большинство людей».

Для людей, совершивших насильственное преступление, форма «сначала человек» снизила негативные стереотипы и негативные чувства и повысила готовность к контакту; позитивные стереотипы и расчеловечивание не изменились. Для людей с физической инвалидностью та же форма не изменила негативные оценки, но немного снизила позитивные стереотипы и несколько усилила расчеловечивание. Эффекты в первой паре авторы называют малыми и умеренными. Объяснений для второй пары они предлагают несколько: отношение к инвалидности и так было очень положительным (эффект потолка); сама форма «сначала человек» может сигнализировать, что группа стигматизирована.

Ограничения названы самими авторами: только две группы, выборка из Великобритании с высоким в среднем уровнем образования, а главное — это оценки третьих лиц; как

реагируют на такие формы сами члены этих групп, исследование не показывает. Кроме того, 95 участников не вспомнили, какой формой была названа группа, и их данные исключили. Для нашего вопроса вывод скромный: в этом эксперименте форма слова меняла то, как третьи лица оценивали названную группу, — но не всегда в ожидаемую сторону и не одинаково для двух групп.

VIII. Нормы называния меняются

То, каким словом принято называть человека, — норма, и она может заметно меняться за несколько десятилетий: это видно по одному корпусному исследованию английских выражений о людях с разными состояниями здоровья.

Чиюн Кан, Наоми Баэс, Эми Ву и Ник Хаслам (PLOS Mental Health, 2026) проследили по двум большим корпусам англоязычных текстов, как менялось соотношение простых форм «X person / people» («сначала признак») и «person / people with X» («сначала человек») для 15 состояний, 11 из которых относятся к психическому здоровью и развитию. Корпус книг Google Books охватил 1980–2019 годы, корпус новостей NOW — 2010–2025 годы.

В книгах доля формы «сначала признак» заметно снизилась: для множественного числа — примерно с 0,62 в 1980 году до 0,32 в 2019-м, для единственного — с 0,81 примерно до 0,51. К концу периода снижение замедлилось, а в новостях 2010–2025 годов общего тренда уже не было. Состояния при этом расходились: в новостях форма «сначала признак» росла для алкоголизма, аутизма и дислексии и падала для ожирения, депрессии и анорексии. И в обоих корпусах форма «сначала признак» чаще звучала об отдельном человеке, чем о группе.

Авторы связывают эти движения с правозащитной работой, редакционными руководствами и научными дискуссиями: сначала форму «сначала человек» продвигали как снимающую стигму, позже для ряда состояний возникло движение к форме «сначала признак» как к утверждению идентичности. Это их толкование, и для различий между состояниями оно, как они сами пишут, сделано задним числом. Кроме того, данные описывают употребление выражений в книгах и новостях, а не предпочтения самих людей с этими состояниями, и только простые формы английского языка.

Для вопроса о самоназвании отсюда следует важное. Слово, которым человек называет себя, живёт внутри языка, нормы которого дрейфуют. Одна и та же форма в одно десятилетие может продвигаться как бережная, а в другое — оспариваться во имя идентичности. По нашему прочтению, выбирая, как назвать себя, человек отчасти присоединяется к одной из сторон текущего спора, — а универсально «правильной» формы эти данные не дают.

IX. Закон и архив: где самоназвание встречает институты

Самоназвание упирается не только в привычку собеседников, но и в законы и записи, которые хранят прежнее имя.

Пример закона — фамилия в браке. Как описывают авторы исследования 2021 года, по статье 187 Гражданского кодекса Турции 1926 года замужняя женщина обязана принять фамилию мужа; с 1997 года она может сохранить свою фамилию перед фамилией мужа, а носить только свою — лишь добившись этого через суд. В этом контексте Мария Чайинска и коллеги (Frontiers in Psychology, 2021) провели три одномоментных опроса: 118 женщин в Турции, называющих себя феминистками, 131 студентка университета в Анкаре и 140 студенток университета в США. Во всех трёх выборках враждебный сексизм был связан с большей поддержкой того, чтобы женщина при браке меняла фамилию; в первом и третьем исследованиях эта связь была ещё и статистически опосредована оправданием существующего гендерного порядка, во втором такого посредничества не оказалось.

Авторы сами ограничивают выводы: план одномоментный, причинности он не показывает; выборки небольшие и удобные; результаты культурно специфичны. И предупреждают: готовность женщины взять фамилию мужа не следует считать прямым показателем её взглядов на гендерную иерархию; ссылаясь на качественные исследования, они напоминают, что смена фамилии может быть и публичным знаком союза. Исследование измеряло поддержку практики, а не собственный выбор имени и не его последствия. По нашему прочтению, оно иллюстрирует другое: фамилия в браке — вопрос на пересечении закона, обычая и убеждений; кто его решает, исследование не измеряло.

Пример архива — публикационная запись учёного. Лео Чан Гаскинс и Крейг Макклейн (PLOS Biology, 2021) в статье-мнении пишут, что уважение к выбранному имени трансгендерного человека — «вопрос достоинства и безопасности» (перевод наш). Тот, кто сменил имя после первых публикаций, по их описанию, выбирает из трёх одинаково неприемлемых путей: оставить прежнее имя в записях, не упоминать прежние работы или просить каждый журнал об исправлении, которое привлекает внимание к прежнему имени. Авторы предлагают «невидимую» смену имени через единый механизм ORCID, без требования юридических документов, и замечают, что это помогло бы и тем, кто меняет фамилию в браке, и женщинам, спасающимся от домашнего насилия. Это довод авторов, а не результат исследования: собственных данных в статье нет.

X. Предел вывода: что смена имени даёт самому человеку

Прочитанные нами открытые работы не отвечают на главный личный вопрос: что смена имени или самоназвания даёт самому человеку.

Посмотрим, что каждая из них измеряла. Эксперимент 2025 года (Шуман и Зохни) — оценки третьих лиц, которые отвечали на вопросы об одной из названных групп. Корпусное исследование (Кан и коллеги) — частоты выражений в текстах. Опросы (Чайинска и коллеги) — поддержку практики смены фамилии. Статья-мнение (Гаскинс и Макклейн) — позиция авторов без собственных данных. Ни одна из этих работ не спрашивала тех, кто сменил имя, как изменились их самочувствие, отношения или ощущение себя. Поэтому мы не утверждаем ни что новое имя улучшает самочувствие, ни что оно его ухудшает: такой вывод потребовал бы других исследований, и в нашей опоре их нет.

Что остаётся, если собрать сказанное? Право назвать себя иначе состоит из нескольких слоёв. В моей власти — изменить своё слово о себе и держаться его. Это слово обращено к другим, и, как у Ноемини, у него бывают веские основания, но нет гарантии, что его подхватят. Его признание зависит от языка, нормы которого меняются, и от институтов — закона, документов, архивов, — для которых смена имени бывает долгой процедурой. По нашему прочтению, у любого имени есть предел: оно меньше человека — эту аналогию мы вывели из даосских текстов — и оно обязывает — так мы читаем «Лунь юй» и Эпиктета.

Возражение Гермогена и Джульетты остаётся в силе в одном: слово не меняет вещь. Поэтому ждать, что новое имя само изменит жизнь, оснований нет. Изменит ли оно отношения, прочитанные нами работы не измеряли. Наш довод скромнее: новое имя может изменить то, как к человеку обращаются, только если другие его примут. Именно поэтому вопрос о самоназвании всегда оказывается вопросом не только обо мне, но и о тех, кто ко мне обращается.

Что это значит на практике

Ниже — рабочие критерии авторов, выведенные из рассуждения статьи. В исследованиях эти шаги не проверялись; это не методика и не гарантия результата.

1. **Различить, что меняется.** Имя, фамилия, прозвище, слово роли или принадлежности — разные слова с разными адресатами. Новое имя требует просьбы к людям и, возможно, процедуры в документах; новое слово о себе может не требовать ничьего согласия.

2. **Связать новое слово со своей историей — хотя бы для себя.** Ноеминь объясняет, почему старое имя не подходит. Объяснять всем не обязательно, но ясная причина

помогает отличить устойчивое решение от слова, которым называют острое состояние, — и честно признать, если речь о втором.

3. **Сказать прямо, как называть, и дать время.** Даже рассказчик книги Руфь продолжает звать героиню прежним именем. Полезно различать оговорку по привычке, неуважение и отказ признать — и отвечать на них по-разному: напоминанием, разговором, а иногда дистанцией.

4. **Для документов и архивов — отдельный путь.** Законы о фамилии различаются по странам; прежнее имя может оставаться в публикациях и реестрах. Стоит заранее узнать процедуру и понять, что в ней зависит от вас, а что — от учреждения.

5. **Называя других, спрашивать, как человек называет себя.** Прозвище не становится именем без согласия того, кого так называют. Форма обозначения может менять отношение, но не одинаково для разных групп, и универсально правильной формы прочитанные данные не дают, поэтому лучше спросить, чем угадывать.

6. **Не ждать от имени того, чего не даёт никакое имя.** Новое слово может точнее назвать то, что произошло, и изменить обращение других. Оно не заменяет самой жизни, к которой относится.

Когда нужен специалист. Если вопрос об имени связан с тяжёлым переживанием, травлей, угрозой безопасности или затяжным конфликтом с близкими, стоит обратиться к психологу или врачу, а по документам — к юристу. Если появляются мысли причинить себе вред, обратитесь за помощью сразу; при непосредственной опасности — в экстренные службы своей страны.

Ключевая цитата

> *«зачем называть меня Ноеминью, когда Господь заставил меня страдать, и Вседержитель послал мне несчастье?»*
>
> *Книга Руфь 1:21 (вторая половина стиха), Синодальный перевод: azbyka.ru, Руфь, гл. 1.*

В одном вопросе — вся конструкция самоназвания: прежнее имя, история, с которой оно разошлось, и обращение к тем, кто будет называть. Из следующего стиха, где рассказчик снова называет героиню прежним именем, не следует, что самоназвание можно не уважать; следует, что оно остаётся просьбой.

Связи между традициями

Сопоставление (сторона А ↔ сторона Б)	Точка встречи (сходство)	Существенная граница
Конфуций, «Лунь юй» XIII.3 ↔ Эпиктет, «Беседы» II.10	Имя связано с тем, что должно быть сделано: «Необходимо исправить имена», иначе дела не удаются, — и «Подумай, кто ты», а из имён человека выводятся его обязанности	Конфуций говорит об управлении и общественном порядке слов, Эпиктет — о поведении человека в его ролях; о смене личного имени не говорит ни тот, ни другой
Бытие 17:5 и 32:28 ↔ Руфь 1:20–22 (Синодальный перевод)	Новое имя сворачивает историю: обещание, борьбу, горе	В Бытии имя даёт Бог в рассказе о завете и благословении; Ноеминь называет себя сама, и рассказчик её новое имя не подхватывает
Шекспир, «Ромео и Джульетта» II.2 ↔ Платон, «Кратил», 384d, реплика Гермогена	Имя — условность, отделимая от того, кто назван	Драма испытывает эту мысль судьбой героев, диалог — разбором Сократа; позиция Гермогена не принадлежит Платону
Лао-цзы, «Дао дэ цзин», гл. 1 ↔ «Чжуан-цзы», гл. I, слова Сюй Ю	Недоверие к имени: названное имя — не постоянное имя; слава — лишь тень действительного	У Лао-цзы речь о Дао и начале неба и земли, у Сюй Ю — отказ от славы и престола; о личных именах и их признании нет речи ни там, ни там
Коран, сура 49:11 ↔ Шуман и Зохни, 2025	Называние другого не нейтрально: прозвище может порочить, а форма обозначения меняла оценки участников эксперимента	Религиозная норма для общины верующих и онлайн-эксперимент с оценками третьих лиц — разные типы основания; в эксперименте благоприятный эффект был для одной группы и отсутствовал или был обратным для другой
Руфь 1:22; 4:17 (KJV) ↔ Гаскинс и Макклейн, 2021	Новое имя наталкивается на прежнее, сохранённое в чужой речи и записях	Книга Руфь — повествование о речи окружающих; статья-мнение о публикационных записях учёных — позиция авторов, без собственных данных

Таблица сопоставляет только названные места; цитаты в ней — перевод наш с английских изданий из списка источников. Сходство мотивов не означает общего учения или исторической связи между традициями. Исследование в пятой строке даёт средние

по выборке оценки третьих лиц, а статья в шестой — мнение авторов; ни то ни другое не говорит о самоощущении человека, сменившего имя.

Первоисточники

Тексты традиций прочитаны по копиям Project Gutenberg (английские переводы и издания, названные ниже) и по Синодальному переводу на azbyka.ru; исследования — полные тексты статей с открытой лицензией CC BY, прочитанные через Europe PMC. Цитаты из английских изданий даны в нашем переводе; Синодальный текст — дословно. Условный пример в начале статьи придуман авторами.

1. The Chinese Classics, vol. 1: Confucian Analects, пер. James Legge (Project Gutenberg #4094). Кн. XIII, гл. 3, полностью: вопрос Цзы-лу и ответ об исправлении имён.

2. The Holy Bible, King James Version (Project Gutenberg #10). Быт. 32:26–29; 33:1; 35:10; Руфь 1:2–6, 1:18–22; 4:15–17 — места о переименованиях и о том, как героев называют дальше.

3. Библия, Синодальный перевод: Бытие, гл. 17 (azbyka.ru). Ст. 1–7, переименование Аврама.

4. Библия, Синодальный перевод: Бытие, гл. 32 (azbyka.ru). Ст. 26–29, переименование Иакова.

5. Библия, Синодальный перевод: Книга Руфь, гл. 1 (azbyka.ru). Ст. 16–22 со сноской к ст. 20.

6. Shakespeare W. The Complete Works of William Shakespeare (Project Gutenberg #100). «Romeo and Juliet», акт II, сцена 2: разговор Джульетты и Ромео об имени.

7. Laozi. The Tao Teh King, or the Tao and its Characteristics, пер. James Legge (Project Gutenberg #216). Гл. 1.

8. Plato. Cratylus, пер. Benjamin Jowett (Project Gutenberg #1616). Реплика Гермогена о соглашении (384c–d по обычной нумерации) и первые вопросы Сократа к нему.

9. Epictetus. A Selection from the Discourses of Epictetus with the Encheiridion, пер. George Long (Project Gutenberg #10661). «Беседы», II.10, первая половина беседы.

10. The Koran, пер. J. M. Rodwell (Project Gutenberg #2800). Сура 49 «The Apartments», аяты 9–12 по обычной нумерации; в издании Родвелла иной порядок сур.

11. Zhuangzi. Chuang Tzŭ: Mystic, Moralist, and Social Reformer, пер. Herbert A. Giles (Project Gutenberg #59709). Гл. I, эпизод императора Яо и отшельника Сюй Ю.

12. Schumann S., Zohny H. Does attitude importance moderate the effects of person-first language? A registered report. PLOS ONE, 2025 (PMC12507193). Перерегистрированный онлайн-эксперимент. Прочитаны метод, результаты, обсуждение, ограничения и заключение полного текста; CC BY.

13. Kang J., Baes N., Wu A., Haslam N. Who you are or what you have: Historical trends in identity-first and person-first language in books and news media. PLOS Mental Health, 2026 (PMC13580993). Корпусное исследование. Прочитаны метод, результаты, обсуждение, ограничения и заключение полного текста; CC BY 4.0.

14. Chayinska M., Uluğ Ö. M., Solak N., Kanık B., Çuvaş B. Obstacles to Birth Surname Retention Upon Marriage: How Do Hostile Sexism and System Justification Predict Support for Marital Surname Change Among Women? Frontiers in Psychology, 2021, 12 (PMC8520949). Три одномоментных опроса. Прочитаны методы и результаты трёх исследований, общее обсуждение и ограничения; CC BY.

15. Gaskins L. C., McClain C. R. Visible name changes promote inequity for transgender researchers. PLOS Biology, 2021, 19(3) (PMC7943012). Статья-мнение (Perspective) без собственных данных; прочитан полный текст; CC BY.

Теги

самоназвание, имя, смена имени, фамилия, прозвище, признание имени, право на изменение, исправление имён, Конфуций, «Лунь юй», Эпиктет, стоицизм, имя и обязанности, Книга Бытия, Авраам, Израиль, Книга Руфь, Ноеминь, Мара, Шекспир, «Ромео и Джульетта», Платон, «Кратил», Гермоген, имя как соглашение, Лао-цзы, «Дао дэ цзин», Чжуан-цзы, даосизм, Коран, сура 49, форма «сначала человек», форма «сначала признак», форма обозначения, корпус текстов, смена фамилии в браке, враждебный сексизм, оправдание системы, невидимая смена имени, ORCID

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.